

НИКИТА ТИМОШЕНКО

ВСÖ

2070

*За появление этой книги
я хочу поблагодарить никого.
Если бы не всё в этом мире,
что сложилось самым удачным образом,
никто бы мне не помог.*

10 июля 2070 года

Не могу сказать, что я счастливый человек. Не могу сказать, что жизнь моя несчастна. Не могу сказать даже, что я человек. Скорее, медиа-проект, самостоятельный круглосуточный канал на ТВ, самый читаемый блог, самый узнаваемый фото-видео-объект. Моя жизнь – пик мечтаний большинства людей. Со дня своего совершеннолетия я ни дня не проводил за границами объективов камер. Меня видели все, кто видит, слышали все, кто слышит, то есть 100% населения, поскольку современные технологии создали наконец-таки мир всеобщего благоденствия без кошмарных юродств прошлого. Вместе со мною через мониторы своих гаджетов проживали жизнь миллиарды человек. Каждый из них мечтал оказаться на моём месте. Каждый примерял на себя мою жизнь, мысленно вытаскивал меня из фокуса человечества, вставал на моё место, словно в эпицентр славы и всеобщего обожания, и делал своё дело, конечно же, интереснее и ярче меня. А я... Иной раз я был бы не прочь оказаться на месте последнего из таких мечтателей.

Вероятно, лишь потому, что человек по природе своей жаждет чего-то иного. Просто-напросто лежащий на диване перед телевизором зритель иногда хочет в корне поменять свою жизнь и оказаться хоть на день мною. В свою очередь и я порой слишком уж хочу оказаться на пролёжанном диване этого лентяя. Казалось бы, разница между нами налицо: он даже при большом волевом усилии сможет подняться с дивана, только чтобы сходить на кухню за выпивкой. При нечеловеческом усилии он потащит себя на работу, чтобы потом позволить себе купить новый диван и свежее пиво. И нет в нём никакой силы, способной своеобразной рокировкой поменять нас местами. Мне же достаточно легко послать всё в тартарары и почить на любом диване в мире. НО! Общее между нами хоть и не так заметно, но куда важнее: реально ни один из нас никогда этого не сделает. Всё дело в том, что недовольство наше лишь внешнее. Нам порой приятно создать образ недовольного жизнью и потому целеустремлённого к чему-то большему (или, как минимум, другому) человека. Но, если прекратить врать самим себе и взглянуть правде в глаза, станет ясно: Цой (а он, как ни забавно, до сих пор жив) был не прав – мы не хотим перемен. Мой умозрительный антагонист хочет лежать на диване и, попивая пиво, бездейственно мечтать о большем. Я хочу продолжать

то, что началось ещё до моего рождения и определило ход всей моей жизни. И нам это нравится. Это наша жизнь. Фундаментально не так уж мы и отличаемся.

Когда мы по-настоящему хотим что-то поменять, мы берём – и меняем. Перемены тогда – наш выбор. Когда нам это не нужно, мы оставляем всё как есть. И это тоже наш выбор, сколько бы мы ни играли роль недовольного бытием и сытого тошнотой экзистенциалиста. В действительности вся наша жизнь и то, что мы делаем, – это наш выбор. Даже моя жизнь, хоть и напоминает она больше реалити-шоу, детально разработанное амбициозным и креативным сценаристом. Может быть, это люди и называют судьбой, фатумом?

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу» - всегда было интересно, откуда взялась эта уверенность, что жизнь пройдена лишь наполовину? Кто в силах определить, что жизнь пройдена лишь отчасти? Кто из людей читал сценарий своей жизни, где написано, что сейчас, вот именно в данный момент, это середина сюжета, а впереди многие года? Может быть, именно сейчас я прошёл свой путь до конца?

И вот я очутился не совсем в лесу, но абсолютно в сумраке. В маленьком одиноком домике на берегу Северного Ледовитого океана у самой границы мира, до которой я дошёл в буквальном смысле слова и которую вот-вот собираюсь пересечь. Рядом со мной лежит только что бегло перечитанная мною «Гипербола о Гипербореи». Некогда грозные на вид камеры, зависшие под потолком, моим творческим порывом облачены теперь в белоснежных лебедей, словно примчавшихся на священнодействие. По сути, я просто набросил на них простыни и из пенопласта вырезал анатомически недостающие элементы: изящные шеи с тонкими головами и мощные крылья. Бутафория эта, на мой взгляд, выглядит вполне убедительно.

И я уже был при полном параде, готовый к трансляции. В широких и удобных штанах-алладинах и фиолетовой футболке с провокационной принтовой надписью «Sapienti sat», в полулотосе я сижу на полу в полной тишине между двумя зеркалами. Метафорически выражаясь, я смотрю вроде бы и на себя, но и вперёд, одновременно мой взор направлен назад, в прошлое: в сети столь широкого фокуса внимания может попасть немало добычи. Закрывая глаза, я начинаю медленно дышать.

Вдох. Пауза. Выдох. Пауза.

Странно это. Я ещё здесь, но как будто бы уже там. Для меня время замерло, сжалось, а жизнь вокруг кипит, как прежде, но чувствую я это сейчас как никогда раньше. Только я уже вне этого кипения, вырван с корнем из сада жизни. Смотрю на всё словно со стороны, безучастно. Самое время отвлечённо и со стороны взглянуть на себя.

Вдох. Пауза.

Из архива памяти всплывают файлы с эпизодами моей жизни. Один за одним они начинают вращаться в моём сознании, беспорядочно сменяя друг друга. Я не сопротивляюсь этому ходу событий и дышу дальше.

Выдох. Пауза. Вдох. Пауза.

4 января 2065 года.

Айко сидела напротив меня, на глазах её наворачивались слёзы.

- Айко, - окликнул я, - ты знаешь, ты – самое обычное и естественное, что случилось в моей жизни. И потому – самое невероятное и любимое! Невероятно любимое!

К нам подплыла голографическая официантка, вид которой, вероятно, выдавал мои эстетические предпочтения: такая типично японская школьница начала века в учебной униформе, состоящей, с позволения сказать, из юбки (вернее, чего-то очень скромных размеров и очень нескромно прикрывающего то, что должна), и блузки в придачу с высокими солдатскими берцами поверх белых чулок. Два пышных рыжих хвостика в пол на её голове и один лисий хвост на её... Ну, вы поняли... Делали образ совершенно нереалистичным, но художественно выразительным. Благо, в Японии это не выдавало во мне перверта и изменника.

- Братик или сестричка желает чего-нибудь ещё? – жизнерадостно обратилась она к нам.

Я мягко попросил оставить нас. Необычного в поведении официантки и в её не совсем материальной природе было не больше, чем во всём заведении, окружавшем нас в этот вечер и бывшем лишь голограммой. В Японии, культивируя врождённую скромность и тягу к уединению, которые удивительным образом уживаются с идеологическим коллективизмом, уже давно смастерили прикольную штуку. Специальный голо-блок, приобретаемый в любом обыкновенном ресторане, способен при его активации воссоздать голографическую копию заведения-оригинала. При этом в комплекте идёт заказанная клиентом музыка и официанты, образ которых подгоняется под индивидуальные и порой очень бессознательные запросы клиента. К счастью, еда и выпивка такого эрзац-ресторана были не копией. Любой заказ оперативно выполнялся небольшим 5D-принтером, прилагаемым к голо-блоку.

Этот вечер мы решили провести на ровном и, главное, безлюдном плато загородной горы: вроде и природа, вроде и под звёздами, но в ресторане и без лишних глаз. Важным достоинством этого выбора являлась полная конфиденциальность: мои камеры-спутники никак не могли бы заполнять эфир подробностями вечера, который как раз в этот момент складывался очень личным, но не самым лучшим образом.

Айко подняла на меня блестящие и оттого ещё более трогательные и пронзительные глаза.

- Это ведь шутка? – с надеждой в голосе спросила она. – Я надеялась, что ты останешься со мной.

Отрицание. Закономерная реакция на проблему. Я молчал.

- А надолго? – не отступала она.

- Надолго. Не меньше пяти лет. Я тоже сначала надеялся на это. Но понял, что мой путь ещё не окончен. Это не значит, что я тебе не люблю...

- А что же это значит? - раздражённо спросила Айко.

- Пойми меня, я не могу остаться. Я должен продолжить это. Шоу ведь должно продолжаться, – я попытался улыбнуться.

Я хотел как-то развеселить её, хотя понимал всю абсурдность этих попыток в данной ситуации. Не было смысла ретушировать назревающую проблему юмористическим пассажем.

- Ты молча продолжаешь шоу, выдуманное и привитое тебе твоим отцом. Тебе не кажется, что твою жизнь расписали, словно сценарий, где ты в роли главного агнца на заклании непонятным идеалам? – она была не на шутку рассержена.

- Казалось. Сначала. Потом я понял, что это не моя покорность. Это мой выбор. Я просто не могу иначе.

- Так это свобода твоего выбора или необходимость?

- Я сам не до конца понимаю. Это так сложно. Мы, люди, ошибаемся, когда думаем, что сами создаём себя. Это верно отчасти. На самом деле мы – те, кто как-то впитал навязанные кем-то образы, алгоритмы, стандарты, клише; их уникальная совокупность смешивается, и вот – новая жизнь. Свободы, по большому счёту, нет. Свобода – осознанная необходимость, как известно. Так мы и ощущаем субъективно: не живётся нам спокойно без свободы, потребность в ней большая очень. Тогда что свободного в необходимости, спрашивается? Как необходимость нам велела, так и поступаем – вот она наша свобода. А вот и мы – в мире, где нет свободной воли, а есть воля, подчинённая необходимости, обусловленной прошлым опытом, где любое решение ею и определяется, а совсем не нами. Так что, выбор уже сделан, его нужно лишь осознать. И я его осознал.

- Но неужели тебе не хочется остановиться и зажить простой жизнью, как многие? – Айко начинало мелко потряхивать, слёзы уже переполнили её, казалось бы, бездонные глаза и готовы были вот-вот хлынуть наружу. Близилась последняя борьба перед концом.

- Для начала мне хочется стать единственным в том, что я делаю, потом я готов стать, как многие.

- Ты предлагаешь мне ждать тебя пять, а то и больше, лет, пока ты не изучишь весь мир?! – не затмив грусти, в её голосе прозвучала обида.

- Зато, покончив с этим, я смогу с головой уйти в твой мир, который, мне кажется, я не изучу никогда!

- Особенно, если собираешься бросить меня. Никогда женщинам не понять мужчин. Ваши дурные, по-детски наивные амбиции, больше напоминающие розовые фантазии, ваше стремление за горизонт, за славой...вы в погоне за счастьем, как собаки, гоняющиеся за собственным хвостом: думаете, что он где-то впереди вас... - она осеклась, злость сменилась каким-то новым чувством. – Почему ты не можешь взять меня с собой?

- Если не выходит взять всё и сразу, герой берёт по очереди, – снова не попадая попытался я пошутить. - Это противоречит условиям контракта... - оборвав себя, серьёзно закончил я.

- Ты и есть контракт! Ты - и его исполнитель, и его предмет. Без тебя нет никакого контракта. Ты мог бы решить этот вопрос.

- Изначально задумка была иной, ты знаешь. Отец, а теперь и я, видел в этом сакральный смысл... Как ни парадоксально, но чем больше мы можем, тем меньше мы можем. Кажется, что мне всё по силам: плюнуть на путешествие, изменить контракт. Но на самом деле мне можно лишь одно – продолжать. Возможностей у меня теперь не больше, чем у пущенной стрелы – лететь в цель. Всё остальное – ограничения ради этой единственной возможности.

- Как пафосно и тщеславно...

Немного помолчав, с напускной деловитостью, чтобы скрыть душившую её обиду и грусть, Айко заявила:

- Я не обещаю, что буду тебя ждать. В отличие от тебя, я не готова обременять себя таким наивным обязательством. Ты вообще представляешь, как много может произойти за пять лет?

- Я, как никто, знаю, как много произойдёт за это время.

- Не только у тебя. Я не хочу нарочно строить стены ото всего мира, от чувств и любви, в конце концов. Я не хочу, меняясь сама, неизменной лелеять любовь к покинувшему меня человеку, который, кстати, тоже будет меняться всё это время. Я не хочу прождать тебя полжизни, чтобы потом понять, что не люблю тебя. Или, что ещё хуже, узнать, что разлюбил ты. Это слишком рискованный вклад под сомнительные проценты.

- Я понимаю тебя. Айко...

Нам обоим стало по-настоящему грустно. До этого момента я действительно верил, что мы сможем договориться продолжить всё дальше и позже, как друзья по летнему лагерю весело договариваются в следующем году встретиться вновь.

Своим преувеличенно уверенным тоном я пытался создать видимость того, что это всё легче, чем кажется, что я, как некогда великие полководцы и императоры, ухожу в поход за славой в то время, как моя женщина смиренно и верно ждёт меня дома. То ли времена поменялись, то ли женщины. Мужчины точно остались такими же, права Айко. Я представлял себе, как спустя годы вернусь к ней, наши чувства вспыхнут с новой невиданной силой... А теперь, экстерном миновав стадии отрицания, гнева и торгов, я тяжело, страшно и больно, словно в колодец без света и выхода, ухнул в глубокую тоску. Как и Айко.

Хотелось сказать что-то приятное и важное. Хотелось прочувствовать этот момент, зафиксировать его в памяти нужными словами. Но, видно, эффектные прощания и уместные слова находят только герои фильмов и книг. Мы же сидели и молча смотрели друг на друга, время от времени отводя взгляд, чтобы ослабить эмоциональное напряжение и скрыть влажность глаз. Сидели. И молчали. Молчали и смотрели друг на друга, всё больше надеясь и всё больше теряя веру в то, что всё ещё можно изменить. Но никто из нас не сделал этот шаг. Свобода каждого определилась необходимостью его выбора.

Я встал. Крепко поцеловал Айко на прощание и вышел за границу голограммы.

За спиной слышался плач и шипение крушимой Айко иллюзии ресторана.

Отзывчиво-назойливые камеры вновь окружили меня, напоминая, как я одинок на виду у миллиардов глаз. Меня встретил морозный воздух и мягкий токийский снег крупными хлопьями. Как же я надеюсь увидеть его ещё раз...

31 марта 2037 года.

Судорожно-конвульсивные усилия моей дорогой мамы, аккомпанемент криков боли, словно яростная канонада, разрывающих спёртый, пропахший потом и кровью воздух больничной палаты, опытная, но взволнованная сосредоточенность врачей-повитух и почти истерическая суэта соперечающих, ощущаемая через стены, этажи и даже города. Вся эта инфернальщина – церемония моего рождения. 31 марта 2037 года. Пугающая атмосфера первых впечатлений несчастного, скользкого и окровавленного человеческого комочка не может не вызывать подсознательный патологический ужас жизни, смешанный притом с героической волей к жизни, приведшей меня сюда.

Но я забегаю вперёд.

Как ни парадоксально, история моя берёт своё начало не с моего рождения, а с рождения идеи в голове моего отца. Наверное, в идеале, каждое рождение ребёнка должно быть спланировано и сознательно принято: ребёнок должен быть желанным. Не то, чтобы я не был желанным. Я, скорее, был спланирован. Позже я шутил, что неизвестно, чьё рождение было большей радостью для моих родителей

– моё или этой самой идеи. Одно точно – всей своей жизнью я, безусловно, обязан именно ей.

Моего отца зовут Джоув. В имени его нет ничего удивительного, даже для России. Знаю, раньше наша страна была довольно консервативна и традиционна во многих вопросах (в том числе в выборе имён), в отличие, например, от Европы. Но всё течёт, всё меняется. Охотно ориентируюсь на Запад, Россия нехотя усваивала его социокультурные паттерны. Вода, как известно, камень точит, и долго ли, коротко ли, а Россия уже – прогрессивная страна, практически с опозданием на век переживающая свою волну хипповой либерализации.

Отец мой родился в 1992 году и, конечно же, носил другое имя. В те времена принято было зваться Сашами, Ванями и Петями. Какое-то из простых имён было и у отца, но, как и все, контуженный прогремевшим тогда бумом, названным *name-shifting*¹, отец взял новое имя.

Жил он в одном сибирском городке, расположенном на просторах плато Путорана, которое в детстве я ошибочно называл «В-путь-рано», вероятно, предчувствуя своё будущее. Здесь же отец с отличием окончил факультет философии и посвятил себя ментальному дайвингу – изо дня в день погружался в никому неведомые (и, в общем-то, неинтересные) глубины мысли. Материальное положение, которое в его случае зиждилось на семейном, не заставляло его голову трудиться над решением бытовых проблем, позволяя всю свою интеллектуальную мощь обрушивать на возвышенные понятия и их хитросплетения. Не знаю, благодаря ли такому имени или просто от природы, но отец мой был человеком амбициозным просто сверх меры, всегда стремящимся совершить нечто невероятное, войти в анналы своей эпохи, потеснив там ни много ни мало всех. И ему, как мы сможем убедиться, это удалось, и плевать, что в некотором смысле опосредованно.

Отцовская, столь же мудрая, сколь и деспотичная, натура нашла себе любимую девушку по вкусу, которая была младше его, тише воды и покорней рабы в отношениях с отцом, что, впрочем, не мешало ей быть прекрасным, интересным и светлым человеком. Звали её Ангелина. Это свидетелями её конвульсий и стонов мы были в начале главы. Рад представить свою маму.

Мама родилась в 2010 году где-то в Китае. Исконно русская семья её была заброшена на далёкий чуждый восток модными в те времена тенденциями образа жизни – дауншифтингом (то, по всей видимости, была эпоха великого шифта, в которую, по древней мудрости, желали жить лишь врагу). Дауншифтеры противопоставляли трудоголизму и корпоративщине индивидуальное духовное развитие, а также свободный и независимый быт себе на потеху. Вся суть сводится к тому, что человек, внезапно осознавший себя дауншифтером, шлёт повседневные заботы в пекло да и сам уезжает куда потеплее жить на проценты от вкладов, на

¹ Name-shifting – образовано слиянием двух английских слов: «name», то бишь «имя», и «shift», то бишь «изменение», «смена».

арендную плату от доставшейся от бабули квартиры или питаться святым духом. По плечу это дело людям, достигшим известной меры успеха, уже обеспеченным и обречённым на отдых до конца жизни. Меньше повезло семье моей мамы. Осознав, что без постоянного дохода жизнь не сказка даже в любимом Китае, а за безделье в социалистической стране не платят, они вернулись на родину – в суровую Сибирь, где кривые линии судеб моих родителей и пересеклись в одной точке, после чего устремились в будущее в одном направлении.

Надо признать, что родители отлично подошли друг другу. Главнейшей для отца чертой в матери было то, что она, успев усвоить в Китае, кто главный в семье, никогда не сопротивлялась самым вычурным идеям отца. Она верно следовала ему во всём, став, тем самым, надёжной опорой в его (с позволения сказать) труде и жизни. С другой стороны, за короткое время эмиграции (наверное, на генетическом уровне), помимо восточной мудрости, мама успела постичь в Китае и прелести жизни дауншифтера, которые, пусть и не в тёплых краях, воплощались наяву в семье её новоиспечённого супруга.

Найдя друг в друге то, что, вероятно, каждый и искал в своём избраннике, мои родители пережили быструю и крепкую диффузию душ и судеб. И пускай союз их не был слишком уж чувственным и эмоциональным, жили они в прочном ладу. Вероятно, благодаря тому, что ни один из них и не был излишне чувственным и эмоциональным, что, на удивление, никогда не сказывалось на мне.

Кстати, обо мне. Настало время поведать, как всё началось.

Как я уже говорил, амбициозный мозг моего отца взрастил однажды причудливую, забавную, но вместе с тем немного дикую идею.

Он размышлял над тем, что люди в этом мире живут, словно в замкнутом пространстве маленькой подсобки, куда напихано множество бесполезных архаичных вещей. Мы не знаем мира, мы ограничены в его понимании и потому – в понимании себя вообще и своего места в нём. Отцу, понявшему практически всё (как ему казалось), эта мысль была невыносима. Выходит, сколько бы он ни сидел в своём поместье, путешествуя вглубь сознания, он никогда не достигнет нужной широты его, поскольку так и не постиг всего богатства и разнообразия жизни, мира. Единственный путь к постижению всего на свете – это попробовать всё на свете, увидеть всё на свете, так он думал, именно ВСЁ! Каков масштаб задумки, а!

Его долго терзала эта мысль. Он потерял интерес к любимой науке, разочаровался в жизни, отчаялся. Он понимал, что зашёл в тупик, и, видя единственный выход из него, отдавал себе отчёт в том, что сам уже не сможет им воспользоваться: возраст не тот, силы не те, да и темперамент, если честно, никогда не был тем.

Но мыслитель не был бы мыслителем, если бы не выдумал гениальное решение проблемы, верно? И вот оно – это решение. Отец понимал, что, не имея уже возможности самостоятельно воплотить свою фантазию в жизнь, он всё ещё в

силах создать такую возможность для другого. Не можешь претворить фантазию в жизнь – сотвори жизнь, претворяющую фантазии.

И вот уже мой отец всецело поглощён идеей рождения и воспитания сына с одной лишь целью: сделать его человеком мира, устроить всё так, чтобы сын его смог и обязательно воплотил в жизнь его мечту. Конечно, отец понимал, что в таком случае это уже не он будет покорителем мира, героем, познавшим всё. Но также он прекрасно знал, что обязательно причастится этого достижения. Он – бог и отец этого героического подвига. Он автор этого апокрифического сюжета. А значит, вся заслуга в этом его.

И он сделал из этого шоу. Мой гениальный отец понимал, чем живёт народ – зрелищами, а в наши дни даже больше, чем хлебом. Он встретился с нужными людьми и заразил их своей идеей, нафаршировав её качественно иной начинкой, съедобной для их пищеварения. Отец выставил это всё в потребительском свете: представьте себе реалити-шоу, в котором один главный герой, начиная с его совершеннолетия, покидает свою семью, родное гнездышко и, словно в паломничество, уходит скитаться по миру до тех пор, пока каждый уголок нашего космического дома не будет им посещён и постигнут. А за всем этим священнодействием (и это самое главное!) наблюдает весь земной шар. Получается эдакая познавательно-развлекательная программа, нон-стоп транслируемая из самого сердца событий. Не правда ли, заводит? Только представьте себе этот размах, эти рейтинги и популярность! Конечно же, продюсеры, чуть не подавились, но схавали задумку. Так отец заручился необходимой в таком глобальном мероприятии поддержкой.

И вот уже делу дан зелёный свет. Только в этот момент отец всерьёз приступает к исполнению своего супружеского и биологического долга. Мама, которая не шибко-то и хотела детей, с воодушевлением поддерживает отца, искренне желая успеха в его начинаниях, ещё более наполеоновских, чем у самого Наполеона. В то время, пока родители трудились над созданием главного героя проекта, продюсеры немало сделали для организации моего будущего феерического турне. Инвестиция с их стороны, конечно, была долгосрочная, но более чем окупаемая. Своими стараниями они обеспечили мне радушный приют, куда бы я ни попал, а попасть я должен был везде. Мне официально разрешили появляться там, где не должна появляться ни одна живая душа. Многие государственные лидеры сразу клюнули на эту идею. Кто не сразу, тот, подхваченный всеобщим порывом (или банально известным инстинктом не быть хуже других) подключился позже. Передо мной распахнулись плотно запертые донныне границы. Меня везде с нетерпением ждали, чтобы увидеть человека-реалити-шоу, но в первую очередь, конечно же, для того, чтобы качественно и на весь мир прорекламирровать себя. Что называется, и на людей посмотреть и себя показать. Продюсеры даже решили вопрос моей безнаказанности в рамках реализации проекта: порой мне было дозволено даже самое запрещённое и